

и немногологиче-аться детс-тем, что армейскихззет. Скакой «трил-варища иынке, како подоб-аледин вно до тае-таки быка простоь угнаться. Широкойзеты и ТВбственно, геля зака-литерату-т ожидатьу мы такодило за физиоло-и Каледина отойти, ается. По-гными ос-рические:а работыина, под-шивомо-народнойподноса-сти разо-народнойитной ор-ит воров-ть на этотло и вовсеом жечьеху. А этологии.

жить, но с их пор находится под запретом в той же Великобритании. Разве что экранизация триллера

грозился в слишком долгое молчание. Казалось бы, он на самом деле перешел в разряд глубоко ушедших

продолжался рекордно долго. Исполнители главных ролей Николь Кидман и Том Круз ради этой рабо-

уходящего века режиссера.
Ирина ЛЮБАРСКАЯ

Как ни ругай папарацци, но именно б

ОПЕРА / А.С.Даргомыжский. «Русалка», реж. Д. Бертман. Театр «Эстония»

Жернова судьбы, жернова времени

Общая Газета 11-17. IV 1999

ТЕМА зимы звучала пышно и празднично. Улочки Старого города тонули в снегу. С барельефа Вольдемара Пансо на Вышгороде выступали артистически тонкие руки — на них не менее артистично висли прихотливые сосульки, дорисовывая узор последних дней зимы.

Тему неизбежности выводила невидимая флейта. С внешности Таллина сползла серая короста советской власти, и густые румяна Макдоналдс'ов и модных лавок куда как забавнее оттенили своеобразную красоту старинного лица.

Тему памяти вел орган кафедрального собора. Хоронили знаменитейшего Хуго Лепнурма, органиста милостью Божьей, которого Москва хорошо помнит. Белые цветы с вкраплениями синего и лилового становились безупречно пропетыми нотами памяти.

Тема преодоления обстоятельств витала в воздухе. На следующий день после празднования Дня независимости оперный театр, невяно празднующий юбилей Пушкина, показывал премьеру одной из самых русопатских опер — «Русалки» Даргомыжского, которую в России давно сочли скучной и повсеместно сняли с репертуара. Дирижер Пауль Мяги участвовал в постановке «Русалки» на Уэкс-

фордском фестивале в Ирландии и — под растлевающим влиянием своего напарника, москвича Дмитрия Бертмана — настолько уверовал в ее сценичность, что решил поселить на время русских героев на эстонской земле — уже не в качестве постылых оккупантов, но блестящих гастролеров.

Новый спектакль заставляет слушать музыку Даргомыжского с неослабевающим интересом. Мяги не пытается скрыть почти дилетантской разношерстности музыкальных слоев, но, делая из простоватой мешанины постмодернистский изыск, он вместе с Бертманом не забывает тащить из нее общечеловеческий смысл. Наташа в исполнении Нади Курем превращается на наших глазах из счастливой дурочки, классической женщины-ребенка, сначала в фрустрированную жертву, а затем в кастрирующую женщину-королеву. Мельника поет Тео Майсте. Певец шутит, что для понимания глубин образа ему пригодились годы ссылки в Сибири — в качестве сына «врага народа». Более образного, чуть что не шляпинского интонирования в этой роли просто нельзя себе представить. Именно дуэт Курем и Майсте делает таллинскую «Русалку» вокальной сенсацией.

Татьяна Тулубьева создала костюмы редкой театральной действенности. Княгиня, предстающая в сцене свадьбы элегантному Князю из XIX века устрашающим «золотым идиолом», оказывается зеркальным отображением Наташи: внутри этой роскошно-отталкивающей скорлупы оказывается все та же жертва. Наташа-русалка, бритоголовый «серебряный идол», управляет девушками, слегка напоминающими дочерей Бедлама из второго акта «Жизели» Матса Эка. Удивителен и Сват — жестокая, изворотливая судьба в облике роскошно костюмированного лицедея-шута.

Главный образ спектакля, найденный Игорем Нежным, — мельничный жернов. Словно колесо судьбы, он соединяет и разлучает людей. Словно колесо сакральной истории, он разделяет бытовую и потустороннюю плоскости бытия. Словно машина времени, он перемалывает зерна человеческих жизней в муку искусства.

Тема Новой Европы с искусством без границ звучала в оглушительных аплодисментах публики после счастливой таллинской «Русалки».

Алексей ПАРИН

Мельник — Тео Майсте

ПРЕМЬЕРА / «Блокпост», реж. А. Рогожкин

ПРО МУЗЫКУ / Концерт памяти

Saatuse ja aja veskikivid

Aleksei Parin

Talve teema helises toretsevalt ja pidulikult. Vanalinna nurgatagused olid lumme uppunud. Toompeal sirutsid Voldemar Panso bareljeefilt välja artistlikult saledad käed - neil rippusid sama artistlikud kummalised jääpurikad, muster, mille olid joonistanud talve viimased päevad. Kindlusetunde teemat arendas nähtamatu flööt. Tallinna näoilmet oli maha varisenud nõukogude võimu hall koorik, McDonaldsite ja moodsate poekeste kirevus lisas huvitava varjundi linna iidse näo ilule.

Mälu teemat arendas katedraali orel. Maeti kuulsat Hugo Lepo nurme, organisti jumala armust, keda Moskvast hästi tuntakse. Valgetest, siniste ja lillade varjunditega lilledest said mälus laitmatult lihtsad helid.

Õhus rippus asjaoludest ülesaamise teema. Järgmisel päeval pärast iseseisvuspäeva pühitsemist, seostamata seda Pushkini juubeliga, toimus ooperiteatris ühe kõige venelikuma ooperi, Venemaal juba ammu igavaks peetud ja kõikjal repertuaarist välja arvatud Dargomõshki "Näkineiu" esietendus. Dirigent Paul Mägi osales "Näkineiu" lavastuses Iirimaal Wexfordi festivalil, ja sattunud oma paarimehe moskvalase Dmitri Bertmani laostava mõju alla, hakkas sedavõrd uskuma ooperi lavakõlbulikkusse, et otsustas vene kangelased mõneks ajaks Eestisse tuua - mitte enam vastikute okupantide, vaid hiilgavate külalisesinejate rollis. Uus lavastus sunnib kuulama Dargomõshki muusikat raugematu huviga. Mägi ei püüagi varjata muusikaliste tasandite peaaegu et diletantlikku erilaadust, kuid tehes lihtsakoelisest segadikust postmodernistliku elegantse loo, ei unusta tema ja Bertman selles rõhutada üldinimlikku mõtet. Natasha Nadja Kuremi esituses muutub meie silme all rõõmsmeelsest lollikesest klassikaliseks laps-naiseks, alguses frustreritud ohvriks, aga seejärel kohitsevaks naiseks-kuningannaks. Möldri osa laulab Teo Maiste. Laulja naljatab, et kuju mõistmisel kulusid talle ära Siberis asumisel veedetud aastad "rahvavaenlase poja" rollis. Pigem vastupidi, shaljapinlikumat intonatsiooni selles rollis ei oska endale ette kujutada. Just Kurem ja Maiste teevad Tallinnas lavastatud "Näkineiu" vokaalse sensatsiooni.

Tatjana Tulubjeva lõi harvaesinevad teatraalselt mõjusad kostüümid. Vürstinna, kes pulmastseeni ajal esineb laval elegantse XIX sajandi Vürsti kui hirmutava "kuldse iidoli" kõrval, osutub Natasha peegelpildiks: tema luksuslik-emaletõukava koore sees peitub seesama ohver. Natasha-näkineid on paljaksagetud peaga "hõbedane iidol" ja juhendab tüdrukuid, kes veidi meenutavad *Bedlam'i tütreid*. Mats Ek ja Giselle teisest vaatuses. Isameeski on imetlusväärne - ta on julm ja taibukas saatust luksuslikult rietatud silmakirjatseja-klouni nahas. Lavastuse peamine kujund on Igor Nežnõi seadistatud veskikivi. See ühendab ja lahutab inimesi nagu saatuseratas. Otsekui sakraalne ajalooratas eraldab see olemise argielulise tasandi sealpoolsusest. Ja jahvatab ajaratta kombel inimelusid nagu terakesi jahuks, millest küpseb kunst.

Publiku kõrvulukustavas ovatsioonis pärast Tallinnas õnnelikult lavastatud "Näkineidu" helises Uue Euroopa ja piirideta kunsti teema.

"Общая Газета" 11.-17. III 1999